

Миништыкбек

Абдикакимұлы

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

ВСЁ ТОТ ЖЕ СВЕТ

Всё тот же Свет, непознанный Кораном,
а я сжимаю бедное перо,
свет этот дарит исцеленье ранам,
и в том загадка, темная порой.

Я помню ту метафору фольклора,
что даже змеям чудотворный свет
дарует руки, ноги...
Даже горе
вдруг расцветает, как живая ветвь...

Он, этот свет, летит быстрее света,
летающего мгновенней в сотни раз,
не то планета слушает поэта,
не то он солнца слушает рассказ...

Такая в нём и страсть,
и дух нетленный,
что, вдохновленный силою идей,
он так светло заговорит с Вселенной,
что звери превращаются в людей.

Он опьянен навеки Небом Синим,
и если вдруг его стрела пронзит,
пройдет насквозь – и вылетит красиво,
как пенье соловьиное в зенит!..

Что там ни говори про чудо это,
но вечной жизни я раскрыл секрет:
а это всё Талант и Ум поэта,
что источают тот чудесный Свет!

ПОДСОЗНАНИЕ, ПОКРЫТОЕ ИНЕЕМ

Уставился двумя глазами
и, ноги вытянув вперед,
я провалился в мирозданье,
в твоё сознание, народ!

А сердце чувствует в раздоре
с вселенской сутью Бухары,
как говорят чужие горы,
неведомые до поры...

Зима отныне время года,
январь, пустой, как цвет ушей,
здесь фиолетова свобода,
и гонят смысл из слов вашей!

Я закричал –
вдруг изо рта
рванулась радуга метели,
выклеывая неспроста
из мозга замыслы и цели...

Зачем вороны разжирели?
Нарушить тишину в краях
удушливых хочу на деле:
ведь жизни путь – всего лишь шаг!

Я справедливости хотел
в своем несправедливом веке,
о справедливом человеке
я плакал, но не разглядел

такого в ветреных степях
моих мучительных раздумий,
где моль печали впопыхах
танцует над зимой угрюмой.

Скрипя костями надо мной,
звезда озябла втихомолку,
лицо обнюхано луной,
и смерть моя приятна волку...

ИНОГДА

Иногда я всерьез
после мысленной
дьявольской драки –
выхожу на трескучий мороз
в пропотевшей от битвы рубахе...

А бывает порой,
я, как ангел, являюсь кому-то,
небезгрешный герой
без спасительного парашюта!

Иногда выхожу,
сроду не обделенный вниманьем –
к своему рубежу –
поболтать с многолюдным собранием.

Я смеюсь над толпой
иль здороваюсь песней певучей,
это стало судьбой,
что дарует спасительный случай.

Я ли горя не знал?
И не в силах сдержать эти слёзы,
отдаю красоте этих зал
свой поклон, как красавице розы.

Иногда, как дитя,
я бесцельно шагаю по лужам,
потому что – шутя! –
я, наверное, людям не нужен?..

Разве нету в душе
родника, что природа питала,
чтоб в сознание уже
абрикосами жизнь трепетала?

Иногда, иногда
обращаюсь сознанием к миру
и хочу, как звезда,
в безымянную кануть могилу...

Вы, Мункар и Накир,
беспристрастные ангелы смерти,
допросите мой мир
и душе моей грешной поверьте.

Быть в аду иль в раю?
Сумасшедшему, право, не дело...
Верьте в душу мою –
я ловкач поумней Азazelло.

Я, наверное, чёрт по нутру,
а душа, как кузничик, опасно
зензиверит к утру...
Иногда обожаю напраслину,

Но не так, как другие,
не скитаюсь в согласии с миром
в небесах ностальгии
между кухней и между сортиром...

СЛОВО

Голова погружается
в сновидений пучину,
и душа поражается,
что слова не по чину...

Угрызениям совести
и непонятой злости,
как собакам норовистым
вы бросаете кости.

А вокруг тебя светочи
в оболочке нетленной
из невидимой вечности,
из не этой вселенной...

Вот отличие от внешнего,
если вправду свободен
на мгновение от ветхого
в жизни бранных угодий.

Братья, надо всмотреться
в облик слов и мечтаний,
в этой области сердца –
заповедной и тайной...

Есть поверье в религии:
в райских куцах бессменных
ароматы великие
непостижны для смертных.

Есть слова молчаливые,
что доводят до слёз,
есть смертельно-ранимые,
как петля из волос...

Есть слова, как красавицы,
что волнуют сердца,
а иным дано справиться
оживить мертвеца!

Есть слова-разрушители,
вот и вашу судьбу
эти звуки решительные
вдруг достанут в гробу...

Есть слова поважнее
книг – от века святых,
вот, в мозгу пламенея,
черти жгут свой ярлык.

И встречают нас с воем –
христиан, мусульман,
если сможем освоить,
счастье выпадет нам.

Вьются звездные черви,
наступает весна,
дождь священный, как нервы,
где струя – как струна!

Тучи низко повисли,
словно мыслит гранит,
и божественным смыслом
Тенгрианство дарит!

Блещет молния слова,
и задуматься нам,

ум ли наша основа,
поднебесный ли храм?

В этой жизни не властны
мы над нашей судьбой,
будем в жизни опасной
ждать судьбины другой,

из космических далей,
на родном языке
что-то выше печали,
что-то в вечной тоске...

Вот – последняя трапеза
перед казнью – смотри!
Только Слово нас запросто
вознесет до Тенгри!..

МУЗА

Она красива и чудесна,
но почему-то я пойму:
меня потянет к ней железно,
но я ее не обниму..

Душа грустит от безобразий,
подводит жизненный итог:
О, пусть ее никто не взглянет –
она единственный Цветок!

Она прелестная невеста,
и с ней свобода бытия –
сiju ли на почетном месте
или лежу в могиле я...

Вздохну – и колосятся травы,
и Время двигается вспять...
Пусть те, кто мне не верит, право,
безумно влюбятся опять!

Она и ангел, и богиня!
Я богом чувствую себя,
мне дарит помыслы благие
неразрешимая судьба.

И даже слух о ней – для сердца
целительней любых лекарств,

и грудь ее – куда мне деться!? –
дороже драгоценных царств!

Она весна, она прощенье,
и я держу себя в руках,
чтоб не поддаться искушенью
навек утонуть в грехах.

Что рядом с ней порыв ненастья!
А я – всего-то мысль, увы,
на этой мысли Птица Счастья
гнездо свивает для любви.

КОНЕЦ АВГУСТА

Спелый август снова падает к ногам.
Это чаша, что зовется «тостоган»,

в ней отрадой кислый плещется кумыс,
а листок пожухлый ниспадает вниз.

Где посмертная молитва по нему,
по листочку – по осеннему письму?..

Я не буду ждать служителя в чалме,
чтоб молитвой приготовиться к зиме,

Ураган в душе взволнованной притих,
неспроста моя молитва – это стих,

Это песня, зеленея поутру,
вдруг развеивает горе на ветру!

Краснолицый «акырап» – это октябрь,
пожалей листок оторванный хотя б...

Лист однако испустил последний вздох,
так проходят все превратности эпох...

Лик осеннего листа землей прикрыв,
мне оплакать бы его – возник порыв,

мы устроили поминки неспроста.
Вот и чаша-тостоган пустым-пушта.

И теперь благословенье чуем мы –
это белое дыхание зимы...

НАДЕЖДА

Сижу я в комнате стиха,
где горе, словно бы трясина...
А Бог сидит в моей гостиной,
меня спасает от греха...

Он улыбается, как в храме,
я слышу заповедь его...
Мы рядом, но стена меж нами,
открою двери – никого!

Но я всё это знаю строго –
на радость или на беду:
откроются объятья Бога,
когда сквозь стену я пройду.

Я тоже выхожу на сцену,
как Гамлет: «Быть или не быть...»
Я каждый день пытаюсь стену
перстом провидчески пробить...

ПРИЗНАЮСЬ

Признаюсь, я упрямец последний,
закаленная временем сталь!
Кто добро перекроет мне сплетней,
в нос получит, как делалось встарь!

Если разбогатеет ворюга –
и начнет похваляться добром,
я избавлюсь от бывшего друга:
он получит под зад сапогом!

Это, чёрт побери, справедливо,
справедливей того не бывать...
Эта женщина очень красива –
не позволю ее избивать...

По-любому пойду на защиту
от насильников и от воров,
чтоб народ, проживая открыто,
был силен и духовно здоров.

Да, не вечно терпенье народа,
сколько можно выдерживать ложь,

людям необходима свобода
от политиков и от святош...

Бич поднимем – карая навечно,
чтобы дрогнула ханская кровь,
тех, кто предал родные наречья,
я и сам уничтожить готов.

Наше горе, сухое, как море,
справедливо взирает с высот,
я с одним только правом не спорю:
плакать так, как рыдает Народ!

Мой народ – непосильная ноша
для любых человеческих толп...
Это слово вызывает, тревожа:
это Веры незыблемый столп.

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Словно гусь из гнезда,
как из кратера,
я в свои представленья пролез:
небылицы несет Теократия,
и бахвалится Технопрогресс...

Профи-черты и рожи с радарами!
Мы на них поразинули рты:
мир своими дарами парадными
открывает родник чистоты!

Окрыляются травы зеленые,
оперяются рощи листвою,
так и мы – в это небо влюбленные,
замираем пред их красотой...

Ты поэт – точно так же по норову
смысл брэнного провозгласи!
Чтобы слово поэта по-новому
прозвучало бы на небеси...

Чтоб сознаньем
компьютерно-лазерным
с электронными чувствами вас
поколение крутое не сглазило
и не бацнуло вас промеж глаз!

Нынче Боги различные властвуют.
Светоносные неба лучи
крутят Землю аккордами радостными,
и Земля, как пластинка, звучит!..

Вот об этом мое заключение:
справа – огонь,
а налево – вода,
Это крайности, не исключения,
не сойдутся они никогда.

Я не жду от начальства прощения
за высокую думу мою:
мы с тобою козлы отпущения
и такими пребудем в раю...

Не законы ли Ада кромешного
пребывают у нас в голове?
Мастерство
совершенства нездешнего –
и мурашки бегут по траве...

Месяц май прорывается заново,
как зародыш в своей скорлупе,
и трепещет над вечностью занавес,
и живое скользит по тропе.

Из земли прорастают растения,
и в дыханье моём благодать,
а компьютер мой дышит растерянно –
и к нему снизойдет благодать!

Всё живое – от злака, от зелени,
наша жизнь с хлорофиллом на «ты»,
и мозги электронные сделаны
по законам Кадыра-аты.

Эти вечного Рая достоинства
не изъять из моей головы,
и проходит, как легкая конница,
нежный бриз по прическе травы!

Ты меня поддержи по-отечески
и подумай, что истинный Рай,
он не где-то –
в душе человеческой,
переполнил мозги через край...

Если проще, галактики звездные,
Белый свет, словно весть из окна,
дарит тайный букет фотосинтеза,
как бывало во все времена!

И пускай Технократы бахвалятся,
и пускай Теократов знобит,
только вера слепая не справится
с искушением брюхо набить...

Только ясное наше сознание –
человечеству силы дарит,
только райское наше призвание –
соблюдать галактический ритм!

Постоянство – вот мера незыблемая!
Личным счастьем сияет оно
и рисунками инея зимнего
метит Райской печалью окно.

АРТИСТ

Галактика – парчовый занавес,
он не раскрыт ни для кого...
А голос Клио молвит заново:
«Раскрыта тайна ли его?..»

Он порожденье Рая, Ада?
Он во вселенском мираже
указывает, что не надо
лелеять призраков в душе...

В твое ночное подсознание
опять врываются стихи,
даря таинственное знание
благоухания стихий...

Так музыканты тронут пальцами
животворящую струну,
и слёзы катятся опасные,
шокируя твою судьбу.

А кто-то ходит смелой поступью
с лицом под маской, как вампир,
и ветер гонит звёзды россыпью,
и что-то шепчет Бренный Мир...

Как будто считывая заново
предписанное наяву,
сорвать ли хочет вечный занавес
и ликом броситься в траву?..

Быть может, он внимает ангелам
на авансцене Бытия?
Вдруг на его вопросы наглые
ответит будущность твоя?

Мы в этом зале – в темном космосе,
где входит истина в тебя,
в твоём мозгу звездятся россыпи,
которые несет судьба...

И снова он метаморфозами
вдруг поражает на бегу:
отшельником, и бесом с розами,
и псом с отметиной во лбу.

На пару с козлоногим чертом
он выставил рога, смеясь,
он нанял Муз своим эскортом,
вступая грешно с ними в связь.

Он нам представил буйство красок
и весь космический хорал,
да, это он, как чёрт из сказок,
прекрасно Бога бы сыграл.

...А степь зеленая простерлась,
над нею красная заря,
и всё искусственное стерлось,
и, как мне кажется, не зря!

Коварный обладатель маски –
то царь, то попросту холоп,
играет роли без опаски,
пусть даже метит пуля в лоб.

Все в этом мире лицедеи
(младенцы не берутся в счет)
в плену игры, в плену идеи,
и только сцена нас влечет.

Пускай коварный обольститель
младую девицу увлек,

пусть бьет попов жестокий зритель,
который в драмах знает толк.

А если ты не можешь дальше
жить в лицедействе и во лжи,
срывай с личины маски фальши
и только правдой дорожи!

Да, мой герой – не древний ящер,
он выбьет на камнях закон:
«В театр провидцев не затащишь» –
и что тебе фальшак икон?!

Но драматургом поневоле
незримо выступает Бог,
и мы играем наши роли,
страдая вдоль и поперек.

Но вскорости антракт незванный
прервет лукавый этот пир,
и занавес золототканый
опустится на бранный мир...

ЗАВОРАЖИВАЮЩЕЕ НЕБО

1

Бесконечно под небом звездным
ворожит над землею Ночь...
Я волнуюсь – еще не поздно:
юность пробует мне помочь...

Эта ночь растаять готова,
дышит благостью моя грудь,
а народ мне дарует Слово,
открывает Вселенной суть!

Ночь и Небо, живые тайны
переходят в небытие,
вот вздохнет – и века случайно
дарят вечный напев Земле...

В бесконечной лазури мыслей
это Диво сияет нам,
так легко облака повисли,
что свобода влечет, как Храм.

Я хочу обнимать деревья –
вековые карагачи,
в бесконечности удивленья
в этот Храм подбирать ключи...

Чтоб свободная жизнь во мраке
воссияла, словно Луна,
я готов быть ее собакой,
лаять радостно дотемна!

2

Бог на катушках бараньих
со времен гадает ранних.
Равно: смерть наворожит,
и на жизнь построит планы,
звёзды махом разложив
на небесные поляны.
Ветерок, как будто пес,
след унюхал между звезд.

Ночь – свершение желаний,
смутных страхов, ликований...
Кто крылом задел комету,
кто оставил свою мету? –
Так во сне и наяву
я о будущем мечтаю –
я с крылатыми живу,
с бабочками улетаю...

ИНОЙ ЖЕ РАЗ

И глаза, и душа поверят:
снова хочется познавать –
новых принципов тайный берег,
сомненья и страхи смять...

Пусть скрижали на вечном камне
отпечатывал камнерез,
а народ, он желал веками
справедливости позарез!

Мудрость бродит вином старинным,
тянет выпить его до дна!
И в тюрьме – пусть порыв наивный! –
справедливость тебе нужна...

Только что-то в душе боится,
только что-то твердит: «Оставь...»
И хочу улететь, как птица,
и бродягой уйти, как встарь.

Отвратиться от тины быта,
но, куда бы я ни пошел,
эхо ахает так сердито,
мол, при плахе готов топор...

По-казахски «эхо» и «плаха»
произносятся «жангырык»,
иногда я молюсь от страха,
только к этому не привык!

Будь проклята причастность к рабству,
не хочу бить поклоны лбом,

божьим быть не хочу рабом,
в этом следует разобраться...

И прислушивается ко мне
ухо полночи в звездной оспе,
громыхая от века грозно
в ослепительной тишине...

Словно это от ангелов вести –
следопыты Мункар и Накир,
на суде беспощадном Чести
я молился за этот мир.

Но, однако, утром варилось
мясо, булькая в казане,
и слащаво, как будто милость,
жизнь пристраивалась ко мне.

Переводы Сергея Мнацаканяна.

Тыныштыкбек Абдикакимұлы родился в 1953 году. Начал писать стихи с 14 лет. В 1989–1995 годах учился на факультете казахского языка и литературы Педагогического института имени Н. К. Крупской в городе Семипалатинске.

Опубликованы сборники стихов поэта «Ақшам хаттары», «Ырауан», «Алқоңыр дүние», «Бесінші маусым жұпары». Он является известным представителем интеллектуальной поэзии Казахстана. Автор книги в двух томах «Қас Сақ аңқымасы», в которой древние общемировые космогонические представления и священные понятия анализируются с точки зрения казахского национального мировоззрения. Является многократным стипендиатом Президента Республики Казахстан. Творчество Т. Абдикакимұлы стало предметом кандидатских и докторских диссертаций литературоведов.

Стихи Т. Абдикакимұлы переведены на русский, испанский, китайский, киргизский языки. Классики казахской литературы оценивают творчество Т. Абдикакимұлы как явление, привнесшее в казахскую литературу неповторимую манеру письма и особые краски.

